

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Эс

болью и остротой. И не оттого, что я унаследовал какую-то тайну, познание. Все положительное, что есть во мне, я вынес из детства, из стен отчего дома, где родился, впервые услышал удивительные народные мелодии, напевы. Все доброе в человеке начинается оттуда.

Ребенок должен видеть и звезды, и луну, но тут я больше склоняюсь к тому, чтобы, как сказал Довженко, и «в луже видеть отражение звезд». То есть и в обыденности, и в недостатках надо уметь видеть что-то более значимое.

Мой отец был терпелив во всем и ко всем, но не ради самоистязания. Это была его суть. Подобные ему люди очень просто смотрят на жизнь и воспринимают мир широко и любовно. Поймали злодея. Все потом смотрят на него с презрением, глумятся. А мать наставляет нас, детей, — «не смей сторониться его, здоровайтесь».

По моему, очень важно с малых лет пробудить в человеке способность воспринимать красоту жизни: будь то природа, поэзия, музыка. Иногда это «пробуждение» происходит стихийно: в ударе церковного колокола или же в крике птицы...

Если, как восклицали древние, каждый человек должен посадить дерево, то Киевский музыкально-драматический институт, где я занимался до 1919 года, был цветущим, буйным садом. Я имею в виду духовную суть насаждений. Какие у нас были педагоги! Конечно, их

Иван Козловский:

«РАВНЫХ В ИСКУССТВЕ НЕ БЫВАЕТ»

НЕ СКРОЮ, с волнением перешагнула я порог этого дома. Но сердечное и улыбочное «мы вас ждем» и заботливо предложенные домашние тапочки сразу располагали к душевному уюту. Меня ввели через большую светлую комнату в дальнюю ее часть, видимо, служащую гостиной. До прихода хозяина еще было время. Расположившись у маленького рабочего столика, оглядываюсь. Раскрытый рояль с разложенными на нем нотами, старинная лампа, стопки книг, множество картин и фотографий. Все функционально и просто. Ничего напышено. И даже редкие красивые безделушки чувствуют себя уютно в незатейливом убранстве этой старинной московской квартиры.

Ровно минута в минуту назначенного времени в комнату вошел Иван Семенович. Подтянутый, стройный, в ладно скроенном костюме и, конечно, как всегда, при бабочке. «Надеюсь, я не заставил вас ждать?» — Ох, уж эта давно забытая галантность! Знать, не перевелась она еще на Руси...

Заговорили о погоде. Скверные стоят нынче дни...

— Гуляя я тут как-то и, проходя под окнами нашего дома, слышу — тенор разучивает что-то знакомое. «Да нет же, нет», — прерывает его раздраженный наставительный голос учителя. Прислушался — мучаются над Германом. Первое желание — помочь, подсказать. Пойти постучаться — ведь соседи? Неудобно. Вот и получается, что один стесняется, а другой мучается от нерадивого педагога...

Я много размышляю над вопросом создания вокальной семинарии, академии, если хотите. Опыт мастеров должен передаваться молодым. Мы не научились хранить приобретенные богатства. А сколько утрачено!

Известно, что вокальное искусство во многом получило свое развитие от капелльного (то есть без музыкального сопровождения) хорового пения. В прошлом все корифеи оперы — русской и зарубежной — начинали, как правило, с выступлений в церковных, студенческих и других хорах. Великие русские артисты — Нежданова, Собинов, Шаляпин, Василий Петров, Михайлов и многие другие прошли эту высшую школу вокала. В ней обретаются интонационная чистота звучания, правильное дыхание, округленный звук.

И мои первые певческие уроки прошли в бурсе, где я учился.

С этого ли все начиналось? Сейчас все чаще говорят о генах, если они существуют, а это уже подтверждено наукой, то я бы говорил о своем отце. Многие из тех, кто берется писать обо мне, о моем детстве, приносят мне огорчение. Они так далеки от истины. Пишут ведь не о том. А спорить с ними и что-то доказывать — для меня, внутренне бережливого, тягостно. Я к этому не стремлюсь, хотя переношу это с

уже нет на этой грешной земле, но я глубоко убежден, что эти люди живут среди нас, в наших судьбах, в наших деяниях.

Потом пришли новые учителя жизни. Как иконы развесили повсюду свои портреты. Ох, как дорого они обошлись нам! И, конечно, не только с меркантильной точки зрения, но главное — все «не туда».

Сегодня мы много говорим о милосердии, зываем к прощению. Но есть вещи, которые вспоминаются с болью и печалью. Конечно, простившему легче. Но об ушедшем надо говорить так же честно, как и о живом. Это я отхожу и к себе. Пусть обо мне, когда меня постигнет неизбежное, скажут, как сегодня. Именно с таким отношением к истине, с таким чувством ответственности перед дарованной нам жизнью мы можем считать себя полноценными людьми.

Слава Богу, уходят времена, когда судьбы миллионов людей, судьбу искусства вершили полуграмотные авантюристы. А чванливые и бесталанные люди учили нас, как жить, как петь и что петь.

Помню, в нашем театре задумано было поставить спектакль о мальчике Морозове. Я уже не говорю о художественной форме произведения. Сама идея — на сцене Большого возмечивать подвиг предательства — чудовищна. А между тем ставила его симпатичная женщина... Я четырнадцать суток писал письмо Сталину, в котором старался выразить свое отношение к этому. Ну как же можно спекулировать на теме! Письмо отослал, но ответа так и не было.

Позже я все же ушел из театра. Не работал целый год. Пришел к нам молодой дирижер (не буду называть имени). Как-то во время спектакля (показывали «Онегина») он вошел в мою уборную и, взяв ноты, стал вписывать в них вместо четвертных долей восьмые. На мое недоумение он только ответил: «Так поют итальянцы, и ты споешь». Я спел свою партию Ленского и покинул театр. Знал, на что шел, оставляя родную сцену, но терпеть подобное глумление над искусством (кстати, это фраза Ростроповича) считал преступным. И позже, сталкиваясь с нашими ответственными работниками из Министерства культуры, не раз становился свидетелем проявления подобного невежества.

Печально памятной стала для меня встреча и с одним бывшим руководящим товарищем из вашей редакции. Будучи еще работником министерства, он представлял творческого человека моего уважаемого коллеги, где я должен был петь восславляющую юбилера арию. Перед выходом на сцену обратился к упомянутому человеку с просьбой позволить мне переговорить с дирижером оркестра. В очень бестактной форме мне было отвечено, что это невозможно, и он, дескать, сам передаст то, что нужно. Как мог он знать все тонкости той партии из «Чародейки», которую я

хотел немного перефразировать. Так я и не смог сориентировать дирижера на задуманный мною шуточный музыкальный экспромт. Вечер для меня был испорчен.

Но было в моей жизни и много радостных встреч, и я часто мысленно возвращаюсь к ним. Одной из наиболее памятных было общение с Немировичем-Данченко. Работая еще в Свердловской опере, я получил от него приглашение принять участие в гастрольях по Европе и Америке. От этой поездки я отказался, но доверие великого режиссера мне было очень дорого. И позже, уже встречаясь с ним в Москве, я получал от него огромный эмоциональный заряд.

Вообще люди были в то время удивительные. Взять хотя бы солистов того же Большого, которые остались после революции в России. На них, собственно, держался весь репертуар театра. После спектаклей ночью они брали винтовки и шли на улицы охранять здание. В тот сложный период старое жандармское управление, занимающееся охраной, было ликвидировано, а новая власть замену ему еще не нашла. Вот и приходилось самим артистам защищать театр от анархистствующих элементов, настоящих варваров, которые врывались в помещение, грабили, срывали из лож бархат, чтобы потом резать его на тряпки для чистки сапог. Я помню, как красивые, изысканные люди, эрудиты (а на них дунь — упадут) по очереди выходили на ночные дежурства с винтовкой, которая к тому же не стреляет да и выстрелить не может по той простой причине, что у

нее и дула-то не было. Но тем не менее театр был сбережен. Именно благодаря им сбережены и все его сокровища. Взять те же бесценные сценические костюмы, которые по сей день существуют. Удивительные по своей изобретательности и красоте, хранятся они в музее.

Вообще театр — это особый мир. Он полон чудес и чудачеств. Я еще застал эпоху бенефисов. Кстати, очень хорошая театральная форма, достойная, на мой взгляд, возрождения. Бенефис прежде всего представлял творческое значение и для того, кого чествовали, и для города, и для труппы. Вот, скажем, в Большом проходили бенефисы Гельцер, Неждановой. Запомнилось чествование Пирогова. Мы с Михайловым выкатили на сцену бочку с вином, украшенную цветами и зеленью, и, установив ее перед юбиляром, запели «За реченькой ярмелю». Я начинаю, мой партнер подхватывает, а потом мы как бы соревнуемся. Я иду на «верх», а он — «вниз». Я — выше, а он на самых низах голосит. Вот вы уже улыбаетесь, а там улыбаются две с половиной тысячи зрителей, и добрая память осталась...

К сожалению, это ушло. Мы почему-то боимся переоценить, боимся отеплеть друг друга. Как бы шума не было, или же, не дай господи, успеха выпадет кому-то больше другого. А равных в искусстве не бывает и, может быть, в этом и есть какая-то его закономерность. Когда государство было небогатое, то высота таланта проверялась кассой. Есть касса, есть сбор — быть театру, быть артисту. В противном случае — извините.

И, надо сказать, артист сегодня ничем не отличается от людей других профессий с точки зрения меркантильных соображений. Это тот же колокол, который надо заставить звонить. Нужен стимул. И этого стесняться не надо. Ведь труд артиста — это тяжелейший, невероятный труд. И его надо достойно ценить...

Мерный колокольный звон, донесшийся от расположенного неподалеку храма Воскресения Словущего, приглашал прихожан на вечернюю службу. Засиделись... И все-таки я не могла не задать еще одного вопроса:

— Иван Семенович, что, по вашему мнению, есть счастье? И считаете ли вы себя счастливым человеком?

— Жизнь непознаваема. Когда умрет жажда познания, то это — смерть. Это доказано. А что есть счастье? Каждый определяет это для себя по-разному. Человек пребывает в природе и, как дерево, вбирает в себя соки жизни. Но не ради куска хлеба. Все лучшее он отбрасывает на прокорм своей души. А разве искусство не есть ее дитя? И как человек, проживший в нем всю свою жизнь, я, конечно, счастлив...

— А вы сами никогда не выступали на сцене, может, вы танцевали? — этот вопрос уже был задан мне.

— Танцевала?.. Много раз, во сне.

С элегантным букетом комплиментов и испанским блокнотом я вышла из времени Ивана Семеновича Козловского.

По улице Неждановой тонкими струйками стекались к храму прихожане. Доносящиеся из приоткрытой церковной двери мелодичное а капелльное пение притягивало.

Татьяна КВАРДАКОВА.

Фото В. Панова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ